

Ha

Наталья Костина

Привет. Это я

«ИП Стрельбицкий»

Костина Н.

Привет. Это я / Н. Костина — «ИП Стрельбицкий»,

Наталью Костину не даром называют «украинской Анной Гавальдой». Ее новый роман «Привет. Это я» — остросюжетное психологическое полотно, повествующее о том, можно ли встретить настоящую любовь в социальных сетях — или же они являются сетью, ловушкой в прямом смысле этого слова? Пять историй любви, отношений, рвущихся и вновь возникающих связей между людьми; пять переплетающихся в одно целое сюжетных линий и неожиданный финал — все это ждет читателя в новой книге Натальи Костиной, которая читается буквально на одном дыхании. В 2013 году роман номинировался на международном литературном конкурсе «Русская премия», и вошел в лонг-лист.

Содержание

Линия 1	6
Линия 2	11
Линия 1	15
Линия 3	17
Линия 4	20
Линия 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Костина

Привет. Это я

Посвящается Константину Кассанелли

Сеть – приспособление для ловли рыб, птиц и т. п., состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами.

*Сеть – множество переплетенных, скрещенных линий
Толкование слова по словарю Ожегова*

*Сеть – олицетворяет ловушку, затруднительное положение
Словарь Символов*

*Социальная сеть – (от англ. social networking servis) – платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений.
Определение из Википедии*

Линия 1

*Я райская адская
В смысле донецкая гадская
Выдающаяся рассказчица
Чисто сестра Стругацкая*

Елена Фанайлова, «Балтийский дневник»

«Привет. это я»

Я смотрю на экран, смотрю не мигая, до рези в глазах... напротив твоей фотографии светится зеленая точка... почему ты не отвечаешь? Ты же здесь, в Сети... от нее невозможно скрыться, ее нельзя обмануть... по крайней мере я так думаю. С кем ты разговариваешь? Ярлык «только что» сменяется на «одну минуту назад», потом «две минуты назад»... а я все смотрю, как будто ты можешь почувствовать этот мой взгляд... Полчаса спустя я отрываюсь наконец от этого бесполезного занятия и переключаюсь на работу... но не могу сосредоточиться... я снова и снова открываю проклятый сайт знакомств в надежде увидеть: «вам сообщение»... Наконец, ближе к двенадцати ночи вдруг вываливается сразу пять мэсседжей. У меня дрожат руки, прерывается дыхание, а сердце длинно падает... падает... но это все не от тебя. «Давай займемся сексом по скайпу». Щас, разбежалась!.. год назад смачно послала бы этого гамадрила, а сейчас ничего не отвечаю... нужен ты мне... со своей захлавленной комнатой, и мамашей, с которой ты живешь, и которая только уснула, сварив борщ и накрутив котлет на неделю. А ты, недоносок, нажимаешь «копировать», и рассылаешь это сообщение всем подряд... авось какая-нибудь дурочка и попадется... Ты будешь драть потными руками, а потом вырубись в своей конуре, полной омерзительного запаха спермы, грязных носков, бутылок из-под пива и табачного перегара. «Ты на самом деле такая прикольная, как на фотке?» Критически смотрю на свою аватарку. Хочется ответить, что не люблю глупых вопросов, но тут меня пробивает. Пишу «на самом деле я негр-гомосек, восьмидесяти пяти лет». И чувствую хоть какое-то удовлетворение. Остальное все стандартное, все неважное... просто рассылка спама. Я ничего не отвечаю... да и что на это ответить? «спасибо, мне ничего не требуется»? Как говорится, вопрос риторический... Я по умолчанию не хочу ни мебели на заказ, ни эротического белья, ни массажей, ни горящих путевок... сейчас я желаю только одного – чтобы ты нашелся. Но тебя нет. И, значит, нужно, наконец, выключить этот проклятый комп и лечь спать... и я снова ничего не сделала. Курсовая висит гирей на моей совести... но я не могу ее написать. Потому что сижу и сижу в Сети: безо всякой цели... хожу по ссылкам, читаю новости, в которых нет ничего нового, просматриваю бесконечное количество демотиваторов, где-то даже хихикаю... но всем этим я занимаюсь только затем, чтобы еще потянуть время... вдруг ты объявишься? Ты мне нужен. Нет, даже так: ты мне необходим!.. куда ты пропал?

Хлопает дверь, в комнату вваливается моя соседка, тезка и почти подружка, Танька.

– Привет, Белка! Чё не спим?

– Тебя жду...

Это неправда, и мы обе это знаем, но ей приятно.

– Жрать хочешь?

Хороший вопрос – и я тут же вспоминаю, что не ела с утра. Жидкий чай с булкой на завтрак... нет, между парами еще перекусывала – ходила на угол за пирожками. Внезапно чувствую, что хочу есть жутко, просто зверски.

– Чайник поставь, – бросает Танька, стаскивая боты на таких каблучищах, что каждый раз, когда она надевает эти штуки, я боюсь, что придется ехать за ней в травмотологию. Однако она даже ни разу не падала... в отличие от меня, которая ходит исключительно в тяжеленных гавнодавах, и все равно умудряется везде цепляться локтями, биться коленями... а каблук мне вообще противопоказаны, хотя даже у меня имеются шузы на высоченных стилетах. Для оболыщения и представительства. Это не я так выражаюсь. Это классика. По-моему, Ильф и Петров. Однако когда я выходила последний раз в этих пыточных штуках, я умудрилась застрять в решетке метро. Ощущение было такое, как будто меня резко дернули за ногу. Разумеется, я рухнула в затоптанном переходе, а нелюбопытный и неотзывчивый пипл обтекал мое распростертое тело, как река огибает остров: мало ли, вдруг пьяная, еще блеванёт... Я тогда хорошо приложила. Ссадины заживали недели три, не говоря уже о том, что пришлось выбросить колготки, перчатки, и сменить разбитый вдребезги экран мобильного. Словом, мадемуазель получила от пикника удовольствие...

– Один лось в ресторан водил, – поясняет подруга, доставая из объемистой сумки пластиковый контейнер. В нем салат, и что-то похожее на котлету. Оливки, просвечивающие сквозь майонезное месиво, заставляют меня проглотить слюну.

У Таньки полным-полно ухажеров, она легко идет на контакт, но свидания назначает исключительно в точках питания. Говорит, так сразу видно, кто есть ху. Именно с ее подачи я и застряла на этом проклятом сайте знакомств... куча грязи, пошлости – ну кто ходит на эти сайты? Искать там что-то настоящее – пустое времяпрепровождение, но... меня частенько затягивают словесные игры – и здесь полно мастеров в них играть. Хотя, в данном конкретном случае мне действительно стоило послушаться Татьяну, у которой большой опыт подобного общения, и не принимать ничего всерьез... Пройтись, как она выражается, людей посмотреть, себя показать, и получить от этого максимум пользы и удовольствия. А если ни пользы, ни удовольствий не предвидится – посылать сразу и далеко. Сама она именно так и делает, отправляясь на очередное randevu... а я не могу. Посему и торчу здесь, в нашей комнатушке, просиживая зад у экрана, со всех сторон заваленного книгами, чашками и прочим житейским хламом, который с благословения Сети плодится и размножается вокруг компа со скоростью деления простейших организмов.

Почти каждый день кто-то что-то и мне предлагает, но... Того, кто был бы мне действительно интересен, до сих пор не находилось, а озабоченные сексуально, которых на любом сайте или форуме пруд пруди, меня не интересуют. Ужинать же, а потом крутить динамо, как май френд Татьяна, я не умею. Танюха, не стесняясь, сразу ставит все точки над ё, излагая претенденту прямо в глаза, чего он от нее ждет после приема пищи, и почему она этого делать не будет. Действует безотказно, сама видела. Однако по инерции все равно ведут и кормят... наверное, думают, что когда девушка откушает, а особенно выпьет, то подобреет. Эта мысль так меня веселит, что я фыркаю, потягиваюсь, и вопросительно смотрю на Таньку, ожидая камментов.

– Ну, сегодня не газ-квас, – соседка небрежно кидает куртку на вешалку, и морщит свой красивой формы небольшой носик. – Но все равно, отсидели по полной, раз уж я осчастливила это чучело и приперлась!

– Что за чел? – для порядка интересуюсь я.

– А! – машет рукой Танька. – Одноразовый, как использованный шприц! Можно, конечно, было, как говорить, уколоться и забыться, но не с этим. Потому как ну полный ацтой! Сели, еще не пожрали, а это быдло детектед сразу взяло мне двести бабоукладчика... но ты ж меня знаешь... – она аккуратно пристроила свои чумовые боты в угол и быстро и сноровисто переоделась.

Да уж... Моя тетка – девушка крепкого здоровья. Она способна выпить не то что шампанское с коньяком, а денатурат со скипидаром, и попробовать свалить ее с ног с помощью алкоголя – работа зряшная... и прямой путь в черный список.

– Ну, в конце концов пришлось его послать. Вали в Ба-абруйск, животное! Употребила гуманитарную помощь и ушла, – соседка машет рукой с устрашающими когтями. – Когда сваливала, сказала, что у меня собака, и попросила завернуть чего осталось, – хихикает она.

– Малыш, ну чем я хуже собаки? – я цитирую Карлсона, и с треском раздираю коробку.

– Белка, ты хоть хлеба купила? – интересуется моя благотельница.

Черт, про хлеб я, разумеется, забыла! Конечно, все это можно съесть и без оно, но так хочется макать кусочки в подливку... я сглатываю фонтанирующую из слюнных желез жидкость и смотрю виноватыми глазами.

– Кажись, девки еще не спят... – Танюха прислушивается к звукам, доносящимся от соседей. – Пойду, выклянчу кусочек.

Без каблуков и боевой раскраски она сразу становится небольшого роста и домашнего вида. Когда она уходит, я машинально беру зеркало и с сомнением смотрю на свое лицо. У меня слишком усредненная внешность: ищущему неземной красоты или нестандарта не за что зацепиться. Глаза карие, волосы темные... сама себе я кажусь какой-то однотонной. Не то что Танька: к длинным локонам блондинки у нее прилегают яркие зеленые глаза, а губы, которые можно было бы оставить как есть, она щедро красит помадой всех цветов радуги. В ее арсенале есть даже черная. У меня же незатейливая короткая стрижка, и ногти тоже короткие. Ненавижу этот писк моды – акриловые когти! Они омерзительно клацают по клавиатуре, и потом, свои собственные имеют неприятную особенность отрастать... и ты получаешься привязанной к этим штукам, и должна ходить в салон наращивать их все дальше и дальше. Ловушка для дурочек, в которую хоть раз, да попадаешь. Честно говоря, у меня еще и деньги кончаются как-то удивительно быстро. И если я не напишу эту проклятую курсовую, и не сдам ее через неделю, у меня будут все шансы завалить сессию... Тогда я не получу стипендии – а это совсем плохо. Разумеется, мне присылают дензнаки из дома – иначе как бы я жила здесь на одну стипендию? Однако каждый раз, получая перевод, я чувствую себя так, как будто обкрадываю собственных родителей. Моя мать – учитель, а отец – инженер на шахте, которую вот-вот прикроют, потому как там слишком уж часто стали случаться аварии. И вот, вместо того, чтобы подкупить на случай, если кому-то из них придется сидеть без работы, или, еще того хуже... нет, не хочу даже думать о таком – тем более отец не часто спускается под землю. Да, конечно, они экономят на всем, чтобы присылать деньги мне. А ведь дома еще и бабка старенькая... в прошлый раз, когда я приезжала на каникулы домой, она отдала мне свои «похоронные». С каждой пенсии бабуленька откладывала сотню-другую, потому что все они – старики – обеспокоены тем, что их не на что будет хоронить. Как будто, когда умираешь, тебе уже не все равно... Но, разумеется, я не стала говорить ей об этом. У нас в городе для студентов, наезжающих на каникулы, никакой работы нет, поэтому я безвылазно сидела в родной тесной хрущевке, отъедалась и отсыпалась недели три, к великой радости бабани. А потом Танька вызвала меня обратно. Она нашла место официантки в летнем кафе на пляже, и в этой забегаловке нужна была еще одна. На прощанье бабуля отдала мне свои сбережения и велела купить на них приличной одежды. Приличной – это значит теплой и длинной. Потому что зимой, когда я приезжала домой, моя тощая задница то и дело вываливалась из джинсов, если я приседала или наклонялась подобрать с полу клубок. Бабаня только головой крутила – и заявила, что если я не потеряю штаны прямо на улице, то уж цистит заработаю точно. Она вообще слишком печется о моем здоровье, и пока я ошивалась дома, связала две пары теплых носков. Если бы она могла связать мне шубу, то, наверное, так и сделала. Однако она уже совсем старенькая, и носки – почти единственное, на что ее хватает. «Купи себе пальто, – сказала она. – И костюм. И теплые сапоги, если хватит. Я пока

хорошо себя чувствую». Хорошо себя чувствую – это был сильный каммент! У нее давление, и еще куча всяких болячек, о которых даже думать не хочется. Мне не нужно было брать эти деньги, но я взяла. Однако не стала покупать тряпки – тратиться на них просто смешно. Обычно я год ношу одни и те же джинсы, и зимой, и летом. Только в теплое время мои штаны дополняют пара футболок, а в холода – такая же пара непритязательных свитеров. Честно говоря, мне плевать на моду. Мои убитые ботинки Танька презрительно называет «бациллами», а если нам куда-то бывает нужно выйти вдвоем, это неизменно повергает ее в печаль. Она говорит, что вполне себе симпатичная бейба не должна выглядеть как Катя Пушкарева, и начинает лихорадочно рыться в моих тряпках, пытаясь выудить какой-либо прикид, более соответствующий случаю, но, как правило, кроме нескольких потерянных фенечек ничего не находит. У нее самой роскошный гардероб, который пополняется после каждого визита к перенсам. У Танюхи в столице мать с отчимом и отдельно живущий отец, в котором моя подружка старательно поддерживает комплекс вины: он ушел из дому, когда ей было лет десять, и с тех пор она выжимает из него все, что может. Хотя ее нельзя назвать слишком уж циничной – она только продукт своего времени, впрочем, как и я сама.

Разумеется, вместо тряпок я купила себе ноутбук. Не слишком навороченный, но мне хватает. Танька просто выпала в осадок, когда увидела его у нас в комнате. До этого у нас стояли две старинные пэкашки: одну списали на кафедре очередного подружкиного бойфренда – за нее, Танька, разумеется, честно отработала, потому как железяка, конечно, была весьма поюзанной с виду, но тянула еще будь здоров. На ней легко можно было мастерить и монтаж, и озвучку. Вторую, совсем убитую, которую прежний хозяин просто поленился снести на помойку, и считавшуюся моей, и которую сложно было использовать даже в качестве пишущей машинки, мы получили в наследство вместе с комнатой, на третьем курсе. Тогда же мы и стали жить вместе. До этого я обреталась в старом корпусе, в комнате на пять коек. Здесь же площадь была всего на двоих, да еще имелся общий санузел, рассчитанный только на нас с Татьяной и двух соседок. Короче, не жизнь, а сказка.

– На, – моя кормилица выложила на стол половинку батона. – Питайся. А то на тебя уже смотреть страшно... чисто глody кактусовая!

Я худая от природы. У меня тонкая кость, и поэтому, когда в запале творчества я забываю поесть несколько дней подряд, то становлюсь совсем тощей. К тому же природа не наградила меня ничем выдающимся ни спереди, ни сзади, не то что Татьяну – той отсыпали щедрой рукой. Все это, вкупе с ее замечательной общительностью, немало способствует тому, что Танюха везде нарасхват – на любой тусе она в числе самых заметных. Так же легко на ее прелести ловятся желающие поймать молодую, красивую и наивную дурочку, под которую она косит в Сети. Они-то и водят ее в рестораны. Прежде чем раскрыть свое истинное лицо прагматичной и неглупой особи женского пола, она успевает поесть, потанцевать, а иногда даже раскрутить ухажера на такси. Некоторым из них Танька в облиии прожженной стервы так нравится, что они готовы пойти за ней на край света – но... На мой памяти она еще ни разу не сказала: знаешь, Белка, а вот это – мое... Может быть, она боится долговременных отношений, но скорее, к выбору партнера действительно нужно подходить серьезно. Но, если уж говорить начистоту, сама я почему-то не могу устраивать такие смотрины. Причина первая и основная: я люто ненавижу общепит, пустые тёрки, и людей, от которых хочется сбежать не через полчаса, а сразу же. Поэтому большую часть свободных вечеров я просиживаю дома. Ну, и, конечно, во-вторых: учеба дается мне далеко не так легко, как соседке – Танька ваяет свои курсухи на одном дыхании, да и вообще не тратит много времени на занятия. Я же обычно переделываю все по многу раз... хотя добиваться совершенства в проходной работе – все равно что стрелять из пушки по комарам. Мои бессмертные опусы никто толком и читать-то не будет, да этого и не нужно... мировой кинематограф не собирается снимать по ним блокбастеры. Я учусь на сценарном, а моя соседка – будущий

журналист-телевизионщик. Для непосвященных это все звучит весьма престижно и завлекательно, а на самом деле мы, выпускники «кулька», скорее всего, осядем где-нибудь в районном Дворце пионеров, да и то в лучшем случае. Хотя я и не на контракте, как Татьяна, а умудрилась поступить на одно из трех бюджетных мест, я не питаю относительно своей персоны никаких иллюзий. Стихи и рассказы – это, конечно, хорошо... и на фиг никому не нужно. А сочинять женские романы с обилием огромных фаллосов и крутых бедер, а также сценарии к мыльным операм... Конечно, можно морщить нос, как будто от этого занятия воняет помойкой, но на самом деле мы все об этом только и мечтаем. О нормальной работе, больших тиражах и таких деньгах, которые не заканчивались бы в первые три дня после получения. Однако попасть в обойму тех, кто лепит всякие постельные и прочие страсти-мордасти совсем непросто. Я уже раз двадцать посылала свои бессмертные творения в редакции, начиная от центральных и заканчивая совсем захудалыми, и на всякие конкурсы, но пока мне еще нигде не обломилось ничего крупнее почетного третьего места и подписки на журнальчик, который помер недоношенным, не дожив и до полугода. И, хотя моя зачетка буквально пухнет от отличных оценок, максимум что мне светит после получения диплома – это кропать сценарии утренников для детских садов своей шахтерской родины. А теперь, ко всем своим неприятностям, я кажется, еще и влюбилась. Именно поэтому я до сих пор таращусь в экран... хотя даже не видела героя своих грез живьем. Вполне возможно, за его обаятельными вихрами и живыми глазами прячется какой-нибудь выпендрежник-баунти... или такой же антистиллер, как и я сама. Впрочем, последнее меня пугает меньше всего. Хуже, если это какой-нибудь клубень, переписывавшийся со мной только по случаю гриппа, а теперь вернувшийся к своему обычному тусовочному образу жизни... да и вообще, наверное, пора бросить все это. Даже если этот чел реальнее всех живых, у меня нет шансов... со мной никогда не знакомятся на улице, от моделей у меня только рост и немереная худоба, а вот выглядеть и одеваться клубнично, так как моя соседка, я не буду никогда. В мою пользу только то, что я умею общаться... к сожалению, почти всегда на уровне компа. Когда кто-то разговаривает со мной, так сказать, вживую, меня клинит... я мямлю или брякаю совсем не то что надо, а потом грызу себя за то, что могла бы... могла бы... ну почему я такая?!

– Ну, чего, захомячила? Свет гасим?

Танька надела свою смешную пижаму с медведями и заплела косу, отчего стала похожа на пятнадцатилетнюю девчушку. А я, оказывается, до сих пор сижу перед экраном, и машинально доела все, что было в коробке. И хлеб схарчила тоже. И так задумалась, что не заметила, как вымакала подливу... и оливки проглотила... и не почувствовала вкуса! Конечно, нужно ложиться спать... Не знаю как Таньке, но мне завтра на первую пару... хотя можно и не ходить. Наверное, я так и сделаю. Препад не троллит нас, и не пишет докладные о прогульщиках в деканат. И нужно, наконец, сделать эту чертову курсовую – или хотя бы начать...

Линия 2

Вы ведь обожаете такие вещи. Обожают, когда вам щекочут сердечко, хлебом вас не корми, дай почитать про многообещающие свидания и про мужчин – разумеется, неженатых и не вполне счастливых в личной жизни.

Анна Гавальда «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал»

– Ты куда?

– Не спится что-то... пойду валерьянки выпью...

Муж грузно поворачивается на другой бок, а я нашариваю тапки, тихонько прикрываю дверь и, стараясь не хлопать каблуками по лестнице, по-мышьиному пробираюсь в кухню. На всякий случай я не включаю люстру – огромная стеклянная стена кухни полукругом выходит в сад, а оттуда свет легко можно заметить через такие же, сплошь стеклянные от пола до потолка окна второго этажа. Идиотская планировка – помимо того, что свет мешает спать, зимой у нас вечно холодно, а летом, если не включать на полную мощность систему кондиционеров – нестерпимо жарко, словно в огромной оранжерее. Но мужу нравится – современно, модно, красиво – и не так как у всех. Конечно, это не он стоит у плиты в самое пекло!

С ночного неба на меня равнодушно взирает тусклый обломок луны. Толку от его присутствия никакого, и я распахиваю дверцу микроволновки. При свете ее лампочки достаю из заранее оставленного здесь портфеля ноутбук, и нетерпеливо втыкаю его в розетку. Мои руки дрожат. Я целый вечер притворялась такой, какой была последние десять лет нашего брака: уравновешенной, спокойной и рассудительной. То есть вполне неживой.

«привет, зайка. где ты была? уже вечность тебя жду»

Пальцы бегают по клавишам почти так же быстро, как произносятся слова:

«не могла вырваться»

«ты сейчас где?»

«дома»

«на кухне?»

«откуда ты знаешь?»

«я про тебя все знаю. тяжелый был день?»

«так себе»

«давай я тебя обниму»

Мои щеки вспыхивают, а губы расплываются в улыбке.

«ну обними» – разрешаю я.

Меня уже сто лет никто не обнимал. Не обнимал так, как я этого хочу. Оказывается, я еще умею хотеть. Может быть, я даже мечтать не разучилась? Когда-то мы с Сашкой... А что мы с Сашкой? Сашка плюс Наташка равняется... Ничему это уже не равняется. Наши отношения скатились к нулю. Мы давно уже ничего не хотим относительно друг друга. Делаем вид, что у нас все путем, ходим вместе в гости, совершаем все общепринятые ритуальные танцы: улыбки, проходы под ручку, и синхронные демонстрации «а у нас с Наташкой до сих пор любовь». Однако на самом деле... Нашему браку недавно стукнуло двадцать. Это человек в двадцать молод и полон сил, а браки, они как домашние животные – редко какое дотягивает до такого преклонного возраста. И, как двадцатилетняя псина, наша личная жизнь не прыгает, не скачет, и не бросается с визгом встречать друга с работы, а, отвернув морду в сторону, тихо лежит на своей подстилке. Все давным-давно превратилось в рутину. Поэтому когда руки мужа касаются меня, я ничего не чувствую. То есть осязание у меня работает. Как

и все остальные органы чувств. Но и только. Я ем, говорю, хожу, смотрю... слушаю музыку в машине и на работе – и даже иногда подпеваю... Болтаю по телефону, сплю... Я, по всей видимости, живая. Однако я не живу. Я просто существую. Функционирую. Как не новый, но вполне исправный механизм. Старый телевизор, например. С утра я отправляюсь на службу, потом являюсь домой и там занимаюсь тем, чего все от меня ждут: готовлю еду, обсуждаю новости, или просто валяюсь на диване, разбирая пасьянс. Однако в последнее время я стала задумываться: что, собственно, происходит с людьми после двадцати лет брака? И не просто брака, а удачного брака! Когда твоя жизнь и твой муж, несмотря на выросший живот и убавившиеся волосы на голове – все еще предмет зависти подруг? И сегодня для других он привлекателен даже больше, чем во времена вашей молодости, потому как у вас то, что называется все люксы: новый дом, две машины, маленький, но вполне процветающий бизнес, и даже сын вроде бы не оболтус. И муж на пару секунд довольно нежно прижимает тебя к себе после того, как вы только что занимались сексом. Именно сексом, а не любовью – потому что невозможно называть любовью ЭТО действие: безвкусные поцелуи, и унылые двухминутные дежурные кульбиты под одеялом раз в неделю... или раз в две недели? Оказывается, я уже и не помню... но, в общем, где-то так. Нет, я вовсе не требую, чтобы Сашка устраивал мне кинематографические прелюдии с цветами, шампанским и лепестками роз на простынях, но... наша личная жизнь все сильнее и сильнее отдает суррогатом. Дешевыми блинчиками, которые, как утверждает реклама, нужно только разогреть – и все. А мы даже и не разогреваемся... к чему? Он и так знает, что у него все получится, а я... Мне кажется, уже все равно – потому что так же, как и эти грошовые кулинарные изделия, наши поцелуи и секс отдают дешевым эрзацем. У всего этого привкус бумаги и вываренного белья... Утешаться тем, что у других и этого нет? Слабый аргумент. У меня две близкие подруги – и обе не замужем. От них свои ночные отношения на сайте знакомств я скрываю даже тщательнее, чем от мужа. В самом деле, сказали бы они, какого рожна мне не хватает?!

«а теперь я тебя поцелую»

«нет»

«почему нет? ты не любишь целоваться?»

Обычно мои собеседники ограничивались двумя-тремя дежурными фразами, и наш диалог быстро иссякал, но с Юрием я общаюсь уже неделю. Честно говоря, я влезла сюда только лишь из любопытства – да еще от этого проклятого дурацкого чувства, что в моей жизни что-то идет не так... Но я не думала докатиться до побегов из супружеской постели и ночных посиделок в кухне, чтобы неизвестно кто виртуально целовал меня... Почему неизвестно кто? Потому что пока мы ни разу не виделись вживую. И я не горю желанием это сделать. Подумав, я пишу:

«я люблю целоваться»

«я так и думал)))))) ты не похожа на холодную женщину»

Я вообще уже ни на что не похожа. Мне сорок пять. Несмотря на обилие модной и дорогой одежды, у меня морщины, складки на животе, бока как у коровы и закрашенная седина. Но на фотографии я вроде еще ничего... правда, это фото пятилетней давности. И ко мне вполне применим анекдот: возраст женщины можно определить по тому, в чем она больше нравится мужчинам: в туфлях, платье и очках, или только в очках и туфлях... и свое платье я снимаю, отвернувшись от зеркала. Я пробовала сидеть на диетах, но ни одна на меня не действует. В лучшем случае я ничего не набираю, а в худшем... все равно вес потихоньку прибавляется, и при этом мне постоянно жестоко хочется жрать, плюс бесплатный бонус – плохое настроение. Я знаю, что и нынешняя ситуация выглядит совершенно по-дурацки: я сижу в халате и тапочках в темноте, спрятавшись за холодильником, и пишу глупости неизвестно кому, но... мне нравится это делать! Нравится, черт возьми! Я хочу писать все это и получать в ответ:

«я тихонько подхожу сзади и целую тебя в шейку».

Я вздрагиваю и воровато выглядываю из своего убежища. В доме по-прежнему тихо – над моей головой в нашей спальне спит муж, а в самой дальней комнате – сын. Внезапно я задумываюсь над тем, что у моих незамужних подруг, которых я всю жизнь жалела именно потому, что у них была неустроенная личная жизнь, всегда были романы. В то время когда я спокойно мыла посуду, пекла пироги и пылесосила, они с горящими глазами бегали на свидания, плакали, смеялись... целовались где-то подворотнях, парках... пусть даже и в чужих замусоренных подъездах, словно малолетки! Ну, а что же делала я? Влачила полусонное состояние, которое гордо именовала «у меня все удалось»? И что, интересно, у меня особенного удалось? У меня лично? Дом в престижном поселке в пригороде? Так он принадлежит не мне, а мужу – и это действительно так, я лично не вложила в него ни копейки и ни на что не претендую. Это он заработал деньги на участок и этот дурацкий современный особняк, вкалывая по шестнадцать часов в сутки в своей деревообрабатывающей мастерской наравне с нанятыми работягами, и даже больше. Потому что если бы мы продолжали жить на две свои чахлые бюджетные зарплаты, то до сих пор ютились в доставшейся нам от Сашкиных родителей, а тем – в подарок от Хрущева конуре, выстроенной еще в те доисторические времена, когда легендарный генсек сеял кукурузу и грозился штиблетом капиталистам. Теперь у нас двухэтажный дом – это не считая огромного гаража и кучи подсобных помещений в цоколе, и у каждого – по машине. Если честно, моя мне и на фиг не нужна – я боялась ее водить, но Сашка настоял. Это же так шикарно – подарить своей жене машину... особенно новую. Зачем? А чтоб была! И пусть она большую часть времени стоит в гараже, потому что я все-таки опасаясь ездить по городу в этой громоздкой, и совсем не женской штуке, и выезжаю на ней в лучшем случае в ближайший магазин, а на работу добираюсь на маршрутке, или же он сам меня подвозит – однако факт наличия двух машин приятно греет Сашкино эго. Иногда мне кажется, что эти проклятые железяки, громоздящиеся в гараже как два бегемота, он как раз и любит... они вполне успешно заменили ему меня. Ладно, с нашим материальным положением все ясно – это заслуга мужа. А вот сыном я действительно могу гордиться по праву – Сашке заниматься его воспитанием было некогда. Заколачивать деньгу – непросто... но кто скажет, что легче вырастить нормального ребенка? Пусть даже и одного? Наше чадо не шляется, не колется, и пока никто – тьфу, тьфу, тьфу! – от него не залетел. Учится на бюджете, что сейчас редкость...

«дай мне свои губы»

«нет!»

Я снова озираюсь, и краснею так, что даже становится жарко. Я понимаю, что это – большей частью игра, но...

«:-)) ты меня боишься?»

«я никого не боюсь»

«тогда почему?»

У меня наворачиваются слезы. Я хочу сказать, что я старая, толстая, и скоро перейду в разряд бабушек... но вместо этого пишу:

«я замужем»

Очень умно – отгородиться тем, что давно сквозит сплошными дырами...

«я понимаю. не бойся. я не из тех, кто разрушает. я просто буду рядом, хорошо?»

Вот теперь я плачу. Я не хочу плакать вот так – ночью, на кухне, когда нельзя даже включить свет и достать пузырек с валерьянкой из аптечки... потому что в темноте непременно что-то грохнется об пол... на нем сразу все бьется вдребезги, на нашем замечательном плиточном полу с подогревом. Сашка всю душу вложил в этот стеклянно-каменный дворец... а на меня у него уже ничего не осталось. Может быть, я сама в этом повинна? Но я знаю, что моей вины здесь нет... я старалась... соответствовала... терпела... подавляла в

себе все инстинкты... не позволяла даже невинного флирта... да, наверное, все-таки я сама во всем виновата! Если бы я хоть раз реализовала упущенные когда-то возможности, то сейчас у меня был бы иммунитет. И к реальным, и к виртуальным поцелуям. Но я, дура, гордилась такой правильной и чистой собой... и чем все это закончилось? Я старалась быть во всем и всегда идеалом, а оказалась у разбитого корыта. Развалившегося на части от того, что я слишком много времени уделяла семье... готовила... убирала... Вылизывала каждый уголок... воспитывала ребенка сама, не доверяя бабушкам, няням и всяким там малограмотным воспитательницам. И, вместо того, чтобы как мои подруги, уделять больше внимания своей личной жизни и внешности, я играла с сыном в развивающие игры, а потом проходила с ним заново почти всю школьную программу. И я ни о чем не жалею... или же все-таки жалею?

Я знаю, что завтра утром у меня будут заплавленные глаза, омерзительные мешки под ними, и набрякшие веки... но мне уже все равно... все равно! И я плачу... реву отчаянно... слезы капают на халат, и в вырез, где под ночной рубашкой находится все то, что уже не соблазняет мужа, когда мы занимаемся любовью... нет – какой там любовью! Просто спариваемся, как животные... или как говорит моя подруга – проводим постельный тренинг – для здоровья – и в темноте. Конечно, зачем ему нужна моя грудь – она уже изрядно провисла; или трехъярусный живот, которого я стесняюсь даже в собственном саду, и стараюсь прикрыть футболкой. Они не могут конкурировать с блестящей «тойотой», которую он так любовно оглаживает тряпочкой, что даже смотреть не хочется! Мне кажется, если бы еда и чистые рубашки появлялись в нашем доме каким-то волшебным образом, никто бы и не заметил моего отсутствия... я им не нужна... ни Сашке, ни даже сыну... давно не нужна...

Мои слезы из сладких, любовных, давно стали горькими... ядовитыми... они словно прожигают дорожки на коже. Я судорожно запахиваю ворот и уже откровенно рыдаю... не заботясь о том, чтобы никого не разбудить. И мне плевать, что сцена появившемуся зрителю покажется очень странной: почему я так горестно плачу здесь, в углу, ночью, с ноутбуком, на темной кухне? Но никто не приходит, никто не задает никаких вопросов. Никто не утешает. А я сейчас действительно нуждаюсь в утешении. У меня такое чувство, что только помани... только пообещай мне настоящее, и я сорвусь. Я могла бы выйти из дому прямо сейчас, поймать машину, и поехать... или даже пойти пешком к этому самому Юре... и пусть бы все случилось прямо сейчас! Однако он, скорее всего, врет, что одинок. Он сам сидит с компом на кухне, а за панельной перегородкой спит жена. Такая же точно как я. Или даже хуже. Толстая баба с небритыми подмышками и отвисшими щеками, постаревшая раньше времени от базаров, абортот, стирок и огородов, которые все почему-то гордо именуют дачами... Она храпит, как уработавшаяся за день коняга, а он сидит и пишет... «давай я тебя обниму»! И, скорее всего, я у него не одна, такая дурища... Я утираюсь поднятым с пола и давным-давно завалившимся в этот угол кухонным полотенцем, отвратительно пахнущим прогорклым маслом, и, мысленно схватив себя, идиотку, за шиворот, выхожу из Сети. Я не прощаюсь. Мне так больно, что я даю себе слово – завтра меня здесь не будет.

Завтра наступило. Оно было точным повторением вчера. Только, может быть, за исключением того, что я не плакала. И, когда прощалась, написала «целую».

Линия 1

«привет. это я»

Я тяну лыбу до самых ушей... я даже чувствую, как губы встречаются у меня на затылке. Кто сказал, что понедельник – день тяжелый? У меня выдалась такая неделка, что мама не горюй! А теперь, когда я уже немного успокоилась, ты вдруг нашелся! В ответ на несколько робких улыбок: «)))», я набираю тебе не попадающими в клавиши пальцами этот волшебный пароль:

«привет. это я».

Хорошо, что в этот момент ты меня не видишь...

«ты улыбаешься?»

Еще как улыбаюсь!!! Мне хочется орать, выть, визжать, прыгать по комнате, целоваться с Танькой... слава богу, ее нет, а то бы моя соседка подумала, что у меня напрочь снесло шифер!

«ты не сердишься?»

Конечно, я сержусь. Разумеется! Всю неделю меня так корежило... Было все – от ярости, когда хотелось рвать подушку зубами, до тихо-дебильного, безразличного ко всему пофигизма. Но в данный момент я улыбаюсь блаженной улыбкой – так, наверное, улыбаются ангелы в небе, видя, как их подопечный ребенок внизу послушно доедает кашу. Вообще со мной сейчас творится что-то непонятное – кажется, ко всему прочему я еще и расплачусь прямо здесь, сейчас... перед сияющим молочным светом экраном... Пока я сижу в своей блаженной прострации, появляется еще несколько фраз:

«уезжал»

«там не было сети»

«почему ты молчишь?»

Разве существует сейчас какое-нибудь место на Земле, где нет Сети? Я молчу оттого, что не знаю, что тебе ответить... Хочется спросить тебя обо всем сразу... но я никогда так не делаю... может быть, просто не умею?

«тебе со мной неинтересно?»

«нет»

Такой ответ вдруг перестает меня устраивать, потому что ты можешь истолковать его, как тебе заблагорассудится, поэтому я быстро спрашиваю:

«что ты любишь в жизни больше всего?»

Я понимаю, что это банальность, но, по-видимому, это как-то цепляет тебя, потому что ты довольно долго думаешь, а потом выдаешь огромный список... я читаю его, и меня распирает всю, наполняет каким-то веселящим газом, и я становлюсь как воздушный шар, которому пора в небо. Воздушный шар, наполненный теплом... какой-нибудь исполинский медведь-панда, или корзина цветов – я просто ощущаю себя громадой, рвущейся с поводка. Я видела такие шары как-то по телику. Там были даже шары в виде автомобилей или огромных банок колы... но я никак не банка с колой – какая пошлость! – нет, я все-таки панда... Наверное, потому, что я всегда такая – черно-белая... незагорелая кожа, черные очки на бледном, совсем без косметики лице, а когда я снимаю очки, под ними такие же зеркально-черные глаза... и темные волосы... и черный свитер... Я перестаю таращиться на себя в ночное окно и мой взгляд упирается в середину списка: «...читать книги...» Странно: кто в наше время любит читать книги кроме меня и?...

«какие книги?» – нетерпеливо справливаю я.

«любимые. я их перечитываю по многу раз»

Ну, это правильное решение Я сама перечитываю свои любимые, старые бумажные книжки постоянно... жаль, что таскать их с собой с места на место так тяжело... когда появятся лишние пенёнки, я куплю себе читалку... это так приятно – носить в рюкзаке всю районную библиотеку... весь мудрый мир, надежно упакованный в системе один-ноль, как доходчиво объяснил мне когда-то знакомый программист.

«а сегодня что читал?»

«Маркеса. «Сто лет одиночества»

Этого не может быть!.. я скашиваю глаза на старенького темно-синего Маркеса, книгу, которая принадлежала еще родителям, прежде чем стала моей. Я тоже сегодня ее читала... я всегда хватаюсь за нее, как за спасательный круг, когда мне плохо... или слишком хорошо. Поэтому я знаю ее почти наизусть.

«а что ты делал там, где нет сети?»

«бабушку друга хоронил. это далеко и надо было помочь»

Так... все понятно... напрасно я задала этот вопрос. Мне немного стыдно... и что говорят в таких случаях?

«мне очень жаль L((((и твоего друга, и его бабушку»

«знаешь, хоть и не родной человек, но...((((тоже очень жаль((((»

Я тут же вспоминаю о собственной бабуленции, которая наверняка дома уже чего-нибудь сварганила для меня – не носки, так свитер. Она иногда вяжет свитера... только это долгий процесс. И свитер получается такой теплый и толстый, как будто выкроен из одеяла. Бабка ужасно гордится получившимся результатом, хотя свитер весит как средневековая кольчуга и рукава у него плохо гнутся. Она так радуется, когда я примеряю эту жуткую штуковину, и язык не поворачивается сказать, что его нельзя будет надеть ни под одну куртку. У меня имеется уже два таких артефакта – в них можно спать на снегу прямо на Северном полюсе. Я держу их в шкафу, на радость моли, но никогда не надеваю – некуда, да и незачем... Общага наша хоть и не старая, как та, в которой я жила прежде, и где были такие огромные чугунные батареи, что на них можно было сушить разом пятьдесят пар труселей, но тоже вполне теплая. По крайней мере мы с Танькой не зябнем – зимой даже форточку открываем иногда. В институте же никогда не бывает холодно – или просто это я сама не склонна мерзнуть? Я на минуту задумываюсь над особенностями своего организма, когда меня настигает вопрос:

«ты учишься?»

В данный момент я явно бездельничаю. Курсовуху, с горем пополам я все-таки из себя выдавила, и даже получила зачет – наверное, исключительно благодаря прошлым заслугам... а может препод меня пожалел. Сюжет был так себе, вымученный, диалоги никакущие, но развязка... да, развязка мне определенно удалась! Я удовлетворенно хмыкаю – и мою голову иногда посещают счастливые мысли. Так что, пожалуй, свой зачет, а с ним вместе и стипендию, я заслужила. Экзаменов я не боюсь... Теперь я уже ничего не боюсь! Я снова улыбаюсь... я свечусь как лампочка Ильича все время, пока стучу по клавише, и отвечаю на твои вопросы... и задаю свои... такие же немудрящие, но очень важные... потому что я тоже хочу знать о тебе ВСЕ.

Линия 3

*В ковчег не допускают одиночек,
И мы с тобою в гости к десяти приходим с тортиком.
Нас некому спасти.*

Вера Полозкова

– Ради бога, Зоя, ты же взрослая девочка... сама должна понимать! Кто сейчас регистрируется на всех этих сайтах знакомств?

Разумеется, я взрослая девочка – мне уже сороковник, как и моей закадычной подруге Юльке, с которой мы еще в школе сидели за одной партой – а теперь гребем в одной лодке под названием Одиночество. Этот утлый челн настолько переполнен такими же дурами, как мы с Юлькой, что вот-вот пойдет ко дну. Однако он покамест держится... и его даже иногда прибывает к берегу – впрочем, не всегда гостеприимному. А что бы вы хотели в таком возрасте? И с таким образованием? Наверное, мы слишком умные... или многого хотим от этой жизни, где на сайтах знакомств сплошь и рядом под личинами холостых, жаждущих обрести свою вторую половину как бы мужчин, и даже местами как бы симпатичных, зарегистрированы различного рода опилки общества. Самый распространенный из всего этого разношерстного сброда тип – это жаждущие немудрящих половых приключений от родного дивана и давным-давно опостылевшей половины. Эти, незамысловатые как хозяйственное мыло, хотя бы не слишком шифруются, и на вопрос «Состоите в браке?» отвечают честно: «Пока да» или «Кому это мешает?» С такими проще. С ними можно прошвырнуться на чью-нибудь заброшенную дачку, или сходить куда-нибудь потусоваться, в не слишком людное и дорогое, но приятное место. И они закажут по мороженому и по сто коньячку, и не станут трахать твой килограмм серого вещества, надежно скрытый под тщательно покрашенными перед свиданием волосами, уже увядающей кожей лица с расширенными порами и ранними морщинками... также скрупулезно заштукатуренными и запудренными – а ограничатся вполне традиционным сексом. Впрочем, этим лысеющим самцам с шестимесячными пивными животиками, и избытком тестостерона, который просто распирает штаны, не до твоих волос, глаз, ресниц, свежевыщипанных бровей и гладко выбритых ног. И тем более не до твоего расширенного высшим образованием интеллекта. Они сразу же начинают лапать тебя, еще там, в кафе. Их привлекает только одно... то, что уже давно не прельщает в собственной жене, которую все они без исключений высокопарно именуют «супругой». Впрочем, и ты сама пересташь быть интересной и загадочной после двух-трех свиданий: редко кого из них хватает на длительную связь – скажем, на год. У меня был один такой... и я даже надеялась, что он уйдет от своей похожей на плотно набитый опилками мешок, к которому приставлены рояльные ножки супружницы ко мне: ухоженной, с немного заплывшей, но пока еще существующей талией. Однако он меня что называется поматросил и бросил... наверное потому, что я все-таки неисправимая романтическая дура, ждущая от жизни неизвестно чего... Вот Юлька намного практичнее... хотя и с ней время от времени происходит то же самое. Однако она, в отличие от меня, похоже уже не питает никаких иллюзий относительно того, что называется «личная жизнь». Да и есть ли она, эта самая личная жизнь после сорока, или это досужие выдумки организаторов сайтов знакомств?

– ... сама знаешь, там только одни сексуально озабоченные, придурки со словесным недержанием – они же импотенты, извращенцы, маньяки, уроды, не умеющие даже дезодорантом пользоваться, и ни одного порядочного человека! – бурно заканчивает свой эмоцио-

нальный спич моя подруга. – Да и откуда они там возьмутся, нормальные?! – спрашивает она несколько громче, чем приличествует в общественном месте, и на нас начинают коситься от соседних столиков.

Юлька презрительно фыркает, достает сигареты и картинно закуривает от мелодично щелкнувшей фирменной «зиппо» – мадам обожает внешние эффекты. Я отношусь к категории как бы некурящих, но после выпитого вина меня также тянет к пачке. Подруга небрежным щелчком вышибает мне сигарету, и я с наслаждением втягиваю ментоловый дым.

– Мне замуж – нафиг нужно... чтоб храпело какое-то чучело под боком и свои вонючие носки под кровать швыряло! – она никак не может успокоиться после воспоминаний о некоем разочаровавшем ее до шокового состояния типе. И пусть это было несколько лет назад, при одном только упоминании о нем Юлька просто звереет. А тут мы еще и встретили его на улице по пути сюда. Да вдобавок с дамочкой лет тридцати под ручку!

– Мне для здоровья надо, сама понимаешь... и чтобы не думать каждый раз, подхвачу я что-нибудь от любовника, или пронесет. Так что мне женатые как раз подходят... но чтобы ко мне, извините, жрать приходиться! А потом спать до обеда! Нафиг, нафиг... – Юлька воинственно машет сигаретой, и дым над ее головой свивается в некие письмена.

«Мене, текел, фарес» – «отсчитано, взвешено...» и так далее. Я знаю, что все это про нас. Это именно нам написано на роду, отмерено неким или некоей субстанцией... мы попали в процентовку, в отсеб, который неизбежно есть в любом деле... Мы с Юлькой неликвиды.

– Можно, конечно, попробовать на международный уровень выйти, – рассуждает она, небрежно помавая бокалом красного в опасной близости от своего новенького пальто, – но...

– Я – пас, – быстро вставляю я.

– Но чем иностранный придурок лучше нашего? – резонно вопрошает она, развивая мысль дальше. – Только тем, Зоенька, что он сможет тебя обругать, а ты ни хера не поймешь!

Мы – дамы интеллигентные. Наши родители-инженеры вовремя спохватились и выучили нас нужным специальностям: Юлька аудитор, а я бухгалтер. Хотя сейчас бухгалтеров развелось как собак нерезаных, но мы освоили эту профессию, когда на нее был еще бешеный спрос. Кроме того, я бухгалтер с большим опытом... и данное мне строгое воспитание пока даже кое-где отсвечивает, несмотря на все превратности судьбы. Однако когда мы с Юлькой выбираемся по пятницам в какую-нибудь кафешку, оттянуться и обсудить наболевшее, среда обитания берет свое: мы выражаемся свойственным всей этой субкультуре слогом, а не высокопарными оборотами, которые хороши только в Сети, чтобы производить впечатление на особой противоположного пола... да и там они не всегда бывают к месту.

– Тут я всегда к тебе могу свалить, если что, а в этой Финляндии-х...ляндии, к примеру, куда я пойду? В приют для бездомных морских свинок?

Да, конечно. В течение краткого Юлькиного замужества, случившегося лет десять назад, она раз в месяц неизменно прибегала ко мне ночевать, тяжело переваливая через порог огромные чемоданы, доверху набитые тряпками, косметикой, бытовыми приборами, лекарствами, и даже любимыми чашками и пепельницами. То есть всякий раз она давала мужу понять, что покидает его навсегда. Чтобы он испугался, и заценил то, что может так легко и глупо потерять. Но, наверное уже тогда на нашу с ней долю остались одни маньяки и бесчувственные придурки... и от своего она все-таки ушла насовсем года через полтора, не выдержав счастливой семейной жизни... а я вот даже и не попробовала.

– Я тут в инете одну историю нарыла... ну жуть жуткая просто! Одна девица счастливо отчалила и не куда-нибудь, а прямо в Англию. Кажись, чего еще хотеть? Тут тебе и Европа, и развитой капитализм... Тем более, мужик был непьющий и даже, по-моему, некурящий... но жмот при этом патологический. Ну, поэтому и непьющий-некурящий! – сделала логический вывод Юляха – аудит в ее жизни везде проходит красной ниткой.

– Да, так значит мани он ей на руки не давал, все расходы проверял похлеще, чем мы с тобой годовой отчет... цеплялся ко всякой мелочевке типа зачем тебе каждый месяц прокладки, или к чему эти ненужные расходы на жвачку?.. Ее ж глотать нельзя! Да, и жрали они там одну дешевку из фаст-фуда... но даже не это главное. Климат ее просто задолбал. Постоянные дожди, сырость, холод, руки-ноги ледяные, нос течет... – Юлька, для полноты картины, выразительно шмыгает. – А этот скопидом температуру в доме держал все время не выше четырнадцати градусов... При этом на улице почти круглый год – пять грёбанных цельсиев – ветер, дождь... домой придешь – и там тоже как в подворотне! Она пишет, что ее все время трясло – никак не могла согреться, даже в постели с этим... этим...

– Мудакон, – подсказываю я.

– Точно! – Юлька с размаху ставит бокал на стол, и, вчувствовавшись в собственное повествование, ежится и запахивает пальто. Пальто роскошное: белое, кашемировое – стиль и качество как говорится, налицо. Аудит – тонкая штука, мне до него никогда не вырасти. У подружки замечательные мозги, и ее услуги оплачиваются соответственно. Она давно купила себе квартиру, утверждая, что личной жизни в одной норе с предками нет и быть не может в принципе.

– Короче, ей пришлось в наше посольство идти, чтобы обратно попасть. У нее денег не то что на самолет – на автобусный билет в соседний супермаркет не было... а мы тут мечтаем... о кренделях небесных... – Юлька поджимает ноги в фиолетовых сапогах под столик и смотрит вдаль дивными очами глубокого фиалкового цвета. Тонированные линзы – недавнее ее увлечение. Она подбирает глаза к гардеробу, как некоторые подбирают шарфики.

Бабье лето в этом году, наверное, уже пятое по счету. Природа, отправив все дожди, туманы, а до кучи и слякоть с моросью в тот самый далекий Альбион, где так мучилась от холода незадачливая жертва Гименея, одарила нас приветливой и солнечной осенью. И поэтому мы сидим за столиком прямо на улице, потягиваем винишко, лениво качаем ножкой, и смотрим, как стекает вниз, к центру, нескончаемая вереница машин... Наверное, это улица с односторонним движением, – догадываюсь я. Авто едут только вниз, и никто – против течения. Река красных огоньков... Желтые листья планируют на полосатую маркизу, бесшумно соскальзывают нам под ноги... Их утягивает ветром туда же, куда и машины – вниз по улочке. Люди едут: кто домой, кто – на дачу... грядут выходные – суббота и воскресенье... терпеть не могу выходные. Потому что у меня нет ни дачи, ни того, с кем бы я сейчас ехала куда-нибудь – все равно куда... Да и дома, в который хотелось бы возвращаться, у меня, по большому счету, тоже нет: в одной комнате родители, а через стенку – я... стареющая, сорокалетняя... которая тоже скоро начнет ставить себе клизмы от запоров, пыхтя стричь пористые картонные ногти на ногах, и долго и мучительно откашливаться по утрам.

Линия 4

Чеширский Кот: Серьёзное отношение к чему бы то ни было в этом мире является роковой ошибкой.

Алиса: А жизнь – это серьёзно?

Чеширский Кот: О да, жизнь – это серьёзно! Но не очень...

Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

– Господи, Сережа, она же не понимает, что все это не игрушки, а взаправду!

Меня буквально колотит, а муж смотрит так странно – как будто видит меня впервые в жизни! Понимаю, вид у меня еще тот: встрепанная шевелюра, заплаканные глаза, на колготках расползлась огромная дырища – не помню даже, где и зацепилась... Наверное, когда влетала в двери этой проклятой консультационной клиники. Я помчалась на другой конец города сразу же, как только Маргошка мне позвонила, и... сообщила о том, что беременна! И не просто беременна – это было бы еще полбеды, но беременна уже двадцать четыре недели. Черт, двадцать четыре недели!! Если разделить на четыре... это что ж получается?! Шесть месяцев... полгода... А он стоит и просто смотрит!

– Лара, я все понимаю... – муж тяжело вздохнул и сел. – Давай думать будем...

– Сережа, что тут думать?! И когда? Времени уже совсем нет!

Дочь заперлась у себя в комнате и сидит тихо, как мышь... дрянь, дрянь!! Проститутка!!!

– Ну почему же времени нет... я так понимаю, у нас впереди еще целых три месяца...

– Ты о чем? – я с размаху плюхаюсь на табуретку – ноги меня давно не держат, но сесть я догадываюсь только сейчас. Как говорится – жизнь бьет ключом! И все по голове!

– Ребенок ведь уже никуда не денется, так? Он уже существует? Поэтому давай смотреть на все конструктивно...

Он говорил и говорил, как заведенный... приводил какие-то экономические резоны, рассуждал о человеколюбии и о том, что всем свойственно делать ошибки, особенно молодым и неопытным девушкам... Он болтал и болтал, будто вещал с кафедры перед своими студентами, а мне хотелось выть... и не просто выть, а свалиться кулем на пол, и колотить руками и ногами, сметая все вокруг... и орать... и плакать... и кричать о том, как они все меня достали... все!.. Муж... который только и умеет, что рассуждать своим хорошо поставленным и нарочито вежливым голосом, и дочь, ради которой я не досыпала... работала урывками где попало... не сделала карьеры – потому что таскалась по больницам и санаториям – у детки были то сыпь, то аллергия, то цистит, то холецистит... а вот теперь на мою голову свалилось еще и это! Но я сильная баба. Я сцепила зубы и не впала в истерику, не грохнула об пол все эти недопитые чашки со вчерашней заваркой, грязные сковородки и тарелки с присохшей яичницей, которые в моей замечательная семье мою только я... несмотря на то, что работаю точно так же как этот разглагольствующий напротив субъект... почему, спрашивается, этого не делает Маргошка?! Пятнадцатилетняя дрянь, которая таскается неизвестно где и с кем, и боится испортить не репутацию, а свой маникюр! Я изо всех сил сжала челюсти... у меня уже такие накачанные лицевые мышцы, что зубы сжимаются как у гиены. Мне так часто приходится тренировать их, что теперь, наверное, я могу перекусывать железные прутья. И все – благодаря им. Моим родным и близким. Из-за наличия которых в свои неполные сорок вдруг начинаешь задумываться: а такая ли заманчивая штука для женщины – замужество? Если бы я не поторопилась, не выскочила сразу после института, то сейчас могла бы даже сделать карьеру – у меня ведь были прекрасные задатки! Я бы не сидела на жалкой должности художественного редактора в журнальчике десятого разбора, каких сегодня

расплодилось как планктона в луже. К тому же художественным редактором я только числюсь, а на самом деле я там попросту за все про все: и верстальщик, и дизайнер, и даже курьера при случае заменить могу! Если бы в моей башке было поменьше вдолбленных с малолетства стереотипов, например что «девушка должна непременно выйти замуж», то я могла даже заняться бизнесом... или вести образ жизни вольных стрелков, как некоторые из моих однокашников, закончивших наш Худпром... Словом, я могла бы жить – не тужить в свое удовольствие! Во всяком случае, беременной пятнадцатилетней дочери у меня точно бы не было...

– Вот, выпей...

Мой благоверный заботливо совал мне под нос какую-то вонючую дрянь... и вот тут уже я не выдержала. Я ударила его по руке, вымещая весь проклятый сегодняшний день, всю мою неудавшуюся жизнь: мямлю-мужа, который уже лет двадцать пишет диссертацию, тема коей устаревает быстрее, чем он успевает ее раскрыть... никчемную работу... отросшие волосы, которые всегда некогда вовремя закрасить, и ходишь, как старая бабка, светя рано поседевшей макушкой, и утешаясь призрачной иллюзией, что это не очень заметно... лишние кэгэ, почему-то выпирающие именно тогда, когда едешь в отпуск и покупаешь новый купальник... в котором ты как дура на пляже – потому что у тебя уже нет фигуры – той самой, какая была до родов... пока я не произвела на свет свою кровиночку... идиотку, забеременевшую в пятнадцать лет! И муж, конечно же, делает вид, что нежно мажет тебе спинку кремом для загара, а сам, пользуясь тем, что ты лежишь уткнувшись носом в грязный, полный окурков и пивных пробок песок, исподтишка рассматривает соседок справа и слева... молодых, ленивых, не обремененных никакими отношениями, а заодно талантами и интеллектом, но зато с втянутыми подмышками и поджарыми ляжками, идеально загорелых, без белых полосок в складках живота и нависающих над ляжками лифчика валиков жира... да они и лифчиков часто-густо не надевают!.. зачем – грудки у них стоят торчком, они не стремятся родить сразу после замужества, да и замуж выходят только в крайнем случае... по залету... такому как у моей доченьки – подумать только – двадцать четыре недели! Но ее кто возьмет замуж в пятнадцать лет?! Отправить бы ее к этим – они быстро вправили бы ей мозги, рассказали, что свободной быть интересней и выгодней... А муж все пялится на этих поблядушек, которые, конечно, замечают его похотливый взгляд – но им он неинтересен... черт побери, да и мне он скоро станет по барабану, если честно! Если он будет и дальше продолжать так по-свински себя вести по отношению ко мне, то... Я вдруг поймала себя на мысли, что не знаю, зачем мы живем вместе, спим в одной постели, разговариваем на какие-то затхлые темы... сто лет мы не обсуждали ничего по-настоящему важного и интересного! Мы живем по инерции... катимся куда-то... не в пропасть, нет... просто в тупик. Да, именно в тупик! А теперь еще, для полноты картины наступившей семейной разрухи наша дочь родит младенца... но все мы, конечно, будем делать вид что счастливы этим событием – а соседи будут исподтишка тыкать в нас пальцами. Она же повозится немного, как с новой игрушкой, и вернется к прежней жизни: подружки, дискотеки, поздние возвращения... запах сигарет от волос... невинные глаза: «что ты, мама, я не курила!». Да лучше бы она курила! Подумаешь – курила! Это со сколько же лет она трахалась со всеми этими прыщавыми юнцами, чтобы в пятнадцать оказаться беременной?!

Рюмка полетела в сторону, жидкость выплеснулась на стены вместе с волной тошнотворного запаха... откуда у нас в доме это взялось?! Окаянная посуда не разбилась, а с дребезжанием покатила в сторону... и я долбанула по ней каблуком... но этому стеклу было пополам... всем все было пополам... Сереге... Маргошке... почему, почему я одна всегда должна выгребать за всеми дерьмо?! Готовить, а потом мыть посуду после унылых пьянок, которые почему-то называются семейными праздниками, сочинять, как выкрутиться на две нищенские зарплаты, бегать по распродажам, украдкой, под презрительными взгля-

дами продавщиц класть в тележку уцененные фрукты, приклеивать на место оторвавшийся кусок линолеума, на котором уже сто лет как не видно рисунка и протоптаны дорожки – наши семейные тропы: диван-телевизор-холодильник... А теперь еще на меня свалится ЭТО – внук, который вполне мог бы быть моим сыном. Мне он не нужен, этот ребенок... и моему мужу не нужен... ему вообще все пофиг, кроме воскресных рыбалок, сидения в углу у своего компа, и чтобы его не трогали... и это всех устраивает, даже меня. Даже меня! Потому что я устала, устала, устала от всего! Я внезапно успокоилась. Даже если моя debilka-доченька и считает, что должна родить этот плод своих походов, она несовершеннолетняя. И решать за нее буду я.

Линия 2

«радость моя, ты где?»

В семье уже привыкли к моей «упорной бессоннице». Я, сделав безрадостный вид, даже посетила врача и купила снотворное. Потому что Сашка все-таки вышел как-то среди ночи на кухню, и застал меня с ноутбуком. Хорошо, что я уже перестала подозрительно забиваться за холодильник, и вполне пристойно сидела за столом. Я успела закрыть окно со своим виртуальным романом, и на экране повис недоразложенный пасьянс. Сердце мое колотилось, но прерывистый вздох получился вполне натуральным:

– Вторую ночь не могу уснуть...

Может, если бы он обнял меня, согрел свои теплом, сказал мне на ухо все те слова, которые я украдкой, словно воровка, читала с экрана, я никогда не решилась бы пойти дальше... Но ему было все равно. Что ему до меня! Даже здесь он появился не потому, что меня не было рядом, а лишь затем, что его мучила жажда. Муж равнодушно мазнул по мне взглядом, зевнул, набулькал из бутылки минералки, и только выпив ее, спохватился:

– Наташ, может этого... как его... персена? Ну, помнишь, тебе прописывали?..

– Пила уже...

Врать надо умеючи. Если бы он захотел дать мне таблетки, то мне пришлось бы объяснить, что я их сто лет не видела... и не знаю, есть ли они вообще у нас в доме. Но он больше ничего не спросил. Он устал за день, и ему хотелось спать. Однако мой Сашка привык, чтобы его имущество было под боком... поэтому все не уходил, топтался рядом и ждал, что я пойду ним наверх. Может, зря я так обижаюсь на мужа? Вообще, он у меня заботливый... но слишком спокойный. Медлительный. Рассудительный. Немногословный. И... неласковый. То есть он вполне ласков со мной в постели, но... Все происходит молча. А мне, оказывается, нужно чтобы мне говорили. Какая я замечательная. Что у меня хорошая фигура. Нежная кожа. Красивые руки. Стройные ноги. Чтобы мне на ухо шептали все те словечки, которые мой муж считает ужасной пошлостью: зайка, птичка-синичка, кошечка... Если бы он хотя бы раз в жизни сказал мне: «солнышко мое», быть может... Однако для него это – невозможно. Запредельно. Нереально. Сашка никогда такого не говорит. Не умеет. Когда-то мне это даже нравилось. Или я считала, что это – его достоинство, потому что в то время видела в нем одни лишь совершенства. Потом я привыкла, и не требовала большего, чем он мог мне дать. И только теперь это почему-то стало мне необходимо, как воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.